

Павлова Арзулана Акрамовна

кандидат юридических наук,
доцент юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

Pavlova Arzulana Akramovna

PhD in Law, Associate Professor,
Law Department,
North-Eastern Federal University

Корякина Зинаида Ивановна

старший преподаватель юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

Koryakina Zinaida Ivanovna

Senior Lecturer,
Law Department,
North-Eastern Federal University

Варламова Дария Кузьминична

студент юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета
имени М.К. Аммосова

Varlamova Dariya Kuzminichna

Student,
Law Department,
North-Eastern Federal University

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮСТИЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО: ПУТИ СООТНОШЕНИЯ [1]

JUVENILE JUSTICE AND RESPONSIBLE PARENTHOOD: THE WAYS OF CORRELATION [1]

Аннотация:

В статье представлены результаты сравнительного исследования теоретических, нормативных и практических основ ювенальной юстиции с институтом ответственного родительства, впервые закрепленного в Законе «Об ответственном родителстве», принятом 14.03.2016 1604-З № 737-V депутатами Государственного Собрания Ил Тумэн Республики Саха (Якутия). Работа выполнена в рамках грантового исследования. Закон актуален, поскольку обладает новизной и касается своим предметом правового регулирования главнейшего комплекса социальных отношений – вопросов семьи и воспитания несовершеннолетних. Негативное отношение к данному закону во многом связано с ассоциацией его положений с так называемой ювенальной юстицией, о целесообразности внедрения которой в России ведутся острые дискуссионные диалоги. На фоне законодательной активности регионов РФ многие вопросы их правовой и правоприменительной деятельности остаются незаслуженно малоизученными. Цель исследования заключается в попытке определить связующие компоненты положений принятого в Республике Саха (Якутия) Закона «Об ответственном родителстве» с элементами ювенальной юстиции. Изучен понятийный аппарат; выявлены объединяющие и отличительные черты исследуемых объектов; оценена реальность существующей в социальном понимании гипотезы о негативном, угрожающем значении Закона РС (Я) «Об ответственном родителстве» для российского общества как элемента ювенальной юстиции.

Ключевые слова:

ювенальная юстиция, ответственное родительство, несовершеннолетний, защита, семья, законодательство, ответственность, государственные органы, соотношение, система, родитель.

Summary:

The study compares the theoretical, regulatory and practical foundations of juvenile justice with the responsible parenthood institution for the first time enshrined in the Law No. 737-V on Responsible Parenthood dated 14 March 2016 by the deputies of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia). This research is carried out by means of grant support. The relevance of the adopted law is proved by its novelty and its subject matter of legal regulation represented by the main complex of social relations, i.e. the issues of family and upbringing of minors. Negative attitudes towards the law are largely due to its association with the provisions of the so-called juvenile justice. The feasibility of its implementation in Russia is a point of contention. Against the background of the legislative activity of the Russian regions, many issues of their legal and law enforcement activities are insufficiently studied. The purpose of the research is to determine the coherent components of the provisions of the Law on Responsible Parenthood adopted in the Republic of Sakha (Yakutia) with the elements of juvenile justice. The conceptual construct is examined; the common and distinctive features of the studied categories are revealed. Besides, the authors review the social hypothesis about the negative, threatening value of the above-mentioned law for Russian society as an element of juvenile justice.

Keywords:

juvenile justice, responsible parenthood, minor, protection, family, legislation, responsibility, public authorities, ratio, system, parent.

Следует отметить, что до принятия Закона Республики Саха (Якутия) от 14.03.2016 1604-З № 737-V «Об ответственном родителстве» в правовом пространстве Российской Федерации по-

нятие об ответственном родительстве нормативного обоснования не имело и как правовой институт российского права не воспринималось. В рамках отраслевого законодательства (семейного, гражданского) применяется традиционное понимание правосубъектности родителей и лиц, их заменяющих. Научно-правовые представления о ювенальной юстиции были актуализированы с момента подготовки и предложения в Федеральное собрание РФ первых законопроектов о внедрении ювенальной юстиции.

Основой указанных правовых явлений, определяющих их актуальность, являются общественные отношения, в которых участвуют несовершеннолетний и его родители. При этом следует указать, что правовое регулирование этих отношений затрагивает не только права и обязанности, но и ответственность родителей и связанных с ее применением уполномоченных органов, а также вопросы воспитания, основанные на моральных, религиозных, этнических и иных традиционных отношениях нравственного характера.

В связи с этим в РФ и других странах продолжается противостояние внедрению ювенальной юстиции. В рамках антиювенальной политики создаются и формируются целые комплексы таких мер, как общественные организации (объединения), сайты, форумы, публикации и выступления в СМИ, конференции, симпозиумы и т. д.

Общественность под влиянием СМИ и отдельных общественных организаций, а также иных источников информации обеспокоена в первую очередь тем, что ювенальная юстиция принесет правовые средства и способы, угрожающие традиционным семейным ценностям и ее неприкосновенности в вопросах воспитания детей. Считается, что ювенальные технологии навязаны Западом и потому не могут быть внедрены в российский менталитет и общественное становление [2]. Существуют и иные мнения критического содержания о целесообразности для РФ ювенальной юстиции [3].

Следует отметить, что такое негативное отношение развивается в условиях мифичности и расплывчатости указанного явления, поскольку в РФ нет специализированного законодательства о ювенальной юстиции, отсутствует и само официальное (легитимное) толкование понятия ювенальной юстиции. В науке также не достигнуто единого мнения о том, как в целом выглядит и должна быть представлена ювенальная юстиция и ее система, не решен вопрос о том, существует ли она в РФ.

Необходимо отметить, что российский ювенальный опыт был сформирован в дореволюционный период XIX в., ключевой основой которого стало создание специализированных судов по делам несовершеннолетних. По мнению специалистов, существовавшая в дореволюционной России модель ювенальной юстиции оценивалась как эффективная. Но в современном мире такая автономная модель столкнулась бы с рядом проблем – отсутствием правовой базы, низким уровнем материального и кадрового обеспечения [4, с. 171].

Для получения представления о классической ювенальной юстиции необходимо обратить внимание на пример западного регулирования, который состоит из трех основных критериев:

- специализированный ювенальный суд;
- специализированное ювенальное законодательство;
- единая система функционирования профильных органов, сосредоточивающих свою деятельность вокруг ювенального суда.

Наиболее негативное восприятие у российской общественности вызывает гипотеза о том, что с помощью ювенальной юстиции будут созданы правовые технологии, с помощью которых может быть оказано прямое давление и вмешательство в интересы семьи и воспитания детей, неадекватно расширены права несовершеннолетних, созданы ограничения и запреты для родителей и лиц, их заменяющих, произойдет унификация концепции семейного воспитания, его подчинения установленным нормативно-правовым актам и требованиям. Таким образом, произойдет введение поведения родителей и детей в определенные рамки дозволенного, несмотря на то что некоторые вопросы семейного воспитания основаны на нормах морали и нравственности, психологии, традиций и обычаев, религиозных и иных ценностей, не поддающихся нормативной регламентации. При этом очевидно, что любой из родителей может стать субъектом правового преследования и применения санкций, в том числе направленных на изъятие детей, ограничение либо лишение родительских прав.

В настоящее время наблюдается некоторая трансформация в разрабатываемых социальными структурами основных направлениях формирования личности несовершеннолетнего гражданина РФ. Так, например, все чаще высказываются предложения о расширении принадлежащих им прав и свобод, законных интересов, тогда как несовершеннолетние, согласно гражданскому и иным отраслям законодательства, являются недееспособными, т. е. ограниченными в некоторых своих правовых возможностях. Несмотря на это, некоторыми положениями предлагается предоставить несовершеннолетним возможность оценивать правомерность и качество их воспитания

родителями, педагогами и т. д. [5, с. 128]. Высказываются также предложения об обязательном сексуальном просвещении детей в рамках образовательных программ в школьных учреждениях, основанных на п. 2 ст. 11 Европейской социальной хартии, ратифицированной Россией в 2009 г. [6, с. 260]. При этом игнорируется тот факт, что, в соответствии с отечественным уголовным законодательством, несовершеннолетний не имеет права на половую свободу, в отношении них установлена половая (сексуальная) неприкосновенность.

Таким образом, считается, что под лозунгами защиты прав и свобод, законных интересов детей нормами ювенальной юстиции создается угроза создания противостояния между двумя главными субъектами семейно-правовых отношений, основа взаимодействия которых заключается больше в социальных, нежели в правовых нормах поведения. Под своевременным выявлением жестокого и ненадлежащего обращения с ребенком предполагается установление такой системы ювенальной юстиции, чтобы уполномоченные органы были наделены дискреционными полномочиями по выявлению в семье и оценке условий и обстоятельств, противоречащих интересам ребенка.

Современную ювенальную юстицию, исходя из ее разнопланового восприятия в социальном и правовом понимании, можно представить в следующих направлениях:

- ювенальная юстиция как правовой механизм;
- ювенальная юстиция как обособленная система специальных органов по защите несовершеннолетних;
- ювенальная юстиция как специализированный автономный суд по делам несовершеннолетних.

В более негативном свете ювенальная юстиция представлена в первых двух направлениях, когда, по мнению общественности, с помощью специального установленного в нормативном поле правового механизма уполномоченные органы ювенальной юстиции вправе вмешиваться в вопросы воспитания несовершеннолетних в семье, в том числе и путем применения карательных санкций и действий, направленных на отчуждение детей от семей, отстранения родителей от воспитания. При этом нужно отметить, что данное мнение складывается под натиском международных стандартов, западной модели ювенального подхода.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют, таким образом, о сложившемся в РФ противоречивом подходе к определению и оценке ювенальной юстиции, опережающем своего федерального законодателя ввиду отсутствия реально действующего законодательного механизма превентивными мерами общественного и политического воздействия.

На наш взгляд, оптимальная модель ювенальной юстиции должна иметь дружественные, а не карательные очертания, прежде всего для интересов семьи, и восприниматься как гарантия защиты прав несовершеннолетних при приоритете семейного воспитания, восстановительного (корректирующего) правосудия.

В таких противоречивых условиях Республика Саха (Якутия) за короткие сроки разрабатывает и принимает Закон об ответственном родительстве, который был воспринят как попытка подрыва адекватной социальной деятельности, угроза масштаба национальной безопасности, риск разрушения российских семейных правовых и традиционных социальных ценностей.

Республика Саха (Якутия) неоднократно являлась так называемым пилотным регионом в становлении ювенального законодательства, выступает площадкой для проведения всероссийских мероприятий по защите прав семей и несовершеннолетних. Например, регион является первым субъектом в РФ, принявшим Закон о правах ребенка.

Уникальность Закона об ответственном родительстве заключается в том, что впервые на законодательном уровне предпринята попытка унифицировать правила жизненно важных интересов родителей и детей, функционирования «идеальной» семьи, основных направлений воспитания несовершеннолетних, в том числе и основываясь на региональных компонентах.

По словам Н.Н. Мишустина, координатора общественного комитета по защите традиционных и конституционных прав граждан от автоматизированной обработки персональных данных и электронной идентификации, главы рабочей группы при Московской городской думе по защите семей и детей от ювенальных технологий, «этот закон – первый в стране ювенальный законопроект, которым будут легализованы совершенно антиконституционные, антисемейные механизмы административной ювенальной юстиции, которые Запад насаждает всевозможными путями в нашей стране более 20 лет» [7]. Похожие мнения широко распространены в общественном представлении. Для убедительности достаточно ознакомиться с интернет-ресурсами, набрав в поисковых сайтах словосочетание «ювенальная юстиция» либо «Закон об ответственном родительстве в Республике Саха (Якутия)». Такое отношение, в частности, и к Закону об ответственном родительстве вызвано, на наш взгляд, сложившимся под влиянием СМИ не совсем правильным (ошибочным) представлением о сути самой ювенальной юстиции.

О содержании понятия «ювенальная юстиция» нет единого мнения. Некоторые авторы, в том числе один из авторитетных и первых ученых в данной области профессор Э.Б. Мельникова, считают, что ювенальная юстиция – это прежде всего правосудие по делам несовершеннолетних и центральным его звеном является суд [8; 9].

Другие авторы полагают, что ювенальная юстиция – это совокупность множества различных по своему правовому статусу органов. По их мнению, ювенальная юстиция должна включать в себя не только ювенальные суды, но и отдельные органы правовой, социальной защиты детей и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних [10; 11]. Таким образом, указанными авторами предлагается под ювенальной юстицией понимать совокупность органов любого уровня (государственного, негосударственного), занимающихся делами семьи и несовершеннолетних.

Определение, данное в Пекинских правилах, принятых с целью регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних, под ювенальной юстицией указывает «правосудие в отношении несовершеннолетних» [12]. Аналогичный подход имеется и в других международных актах, ратифицированных РФ [13; 14].

К изложенному следует также добавить, что в РФ до настоящего времени ювенальные суды как таковые не созданы (пилотные эксперименты регионального уровня и специализированные судебные составы не носят обязательного характера правоприменения). В РФ не существует положения, официально закрепленного в законодательном регулировании и требующего в связи с этим всеобщего внедрения ювенальной юстиции как автономной системы в государственном и социальном механизме управления. Функционирующие правоприменительные органы, специализирующиеся по делам семьи и несовершеннолетних, их защите, сосредоточены в системах органов исполнительной либо муниципальной власти.

С учетом изложенного недопустимо под ювенальной юстицией понимать всю деятельность по охране прав и законных интересов несовершеннолетних в РФ. Еще Концепцией судебной реформы в Российской Федерации, утвержденной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г., ювенальная юстиция предусматривалась как создание ювенальных специализированных судов.

Впервые термин «ювенальная юстиция» был введен в правовой оборот Российской Федерации в сентябре 1995 г. «Основными направлениями государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 г. (Национальным планом действий в интересах детей)», утвержденными Указом Президента РФ от 14 сентября 1995 г. № 942, которыми было предусмотрено «создание системы ювенальной юстиции в виде специальных составов судов по делам семьи и несовершеннолетних».

Постановлениями Президиума Совета судей Российской Федерации от 6 августа 2009 г. и от 22 октября 2010 г. «О ювенальной юстиции в системе правосудия Российской Федерации» под термином «ювенальные технологии» понимается применение общепризнанных принципов и норм международного права в судопроизводстве по делам о преступлениях несовершеннолетних в рамках действующего российского уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а также законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и защите их прав.

Таким образом, опираясь на условные признаки ювенальной юстиции, можно констатировать, что Закон Республики Саха (Якутия) об ответственном родителстве не является ее материальным либо процессуальным воплощением, поскольку не предусматривает создание отдельных судебных органов. Не содержит данный закон также норм, устанавливающих либо внедряющих новые ювенальные механизмы, т. е. он кардинального обновления в законодательство не привнес, в большей своей части (19 из 22 статей) повторяет федеральное законодательство. Новизна касается только названия закона и предусмотренного в нем понятийного аппарата.

Принятием Закона об ответственном родителстве законодателя Республики Саха (Якутия) попытались систематизировать в едином направлении деятельность уполномоченных государственных и негосударственных органов, связанных задачами охраны прав несовершеннолетних и их семей в целях формирования у родителей представления об ответственном подходе к выполнению своих обязательств по воспитанию детей.

Между тем Закон об ответственном родителстве далек от совершенства и обладает рядом недостатков и пробелов, приводящих к проблемам его реализации, в первую очередь в связи с обилием бланкетных норм (что вызывает проблемы в конкуренции правовых норм); отсутствием правил, разъясняющих порядок и основания квалификации нарушений, признаваемых безответственным родителством; норм, смягчающих либо исключаящих ответственность родителя (поскольку любое правонарушение имеет такие обстоятельства) и т. д. Перечисленные вопросы придают Закону об ответственном родителстве труднореализуемый и декларативный характер.

Ссылки и примечания:

1. Статья написана в рамках грантового исследования РГНФ по теме «Правовые и социальные проблемы реализации Закона Республики Саха (Якутия) об ответственном родителстве» (Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР – АААА-А17-117042010061-7. Дата регистрации: 20.04.2017).
2. Кияшко Д.А. Формирование основ ювенального права // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 1. С. 220–223.
3. Лепешкина О.В. К вопросу о противоречиях в оценке значения и определения ювенальной юстиции // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 258–262.
4. Чернова М.А. Развитие ювенальной юстиции в дореволюционной России // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10, № 6. С. 171–175.
5. Прокошкина Н.И. Ювенальная юстиция как гарантия защиты прав несовершеннолетних // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4 (87). С. 125–132.
6. Лепешкина О.В. Указ. соч. С. 260.
7. Николай Мишустин. Закон об ответственном родителстве – разгул ювенальщины? [Электронный ресурс] // Русская народная линия. URL: http://ruskline.ru/special_opinion/2016/mart/zakon_ob_otvetstvennom_roditelstve_razgul_yuvenalwiny/ (дата обращения: 01.09.2016).
8. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция: проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии : учеб. пособие. 2-е изд., испр., доп. М., 2001. 272 с.
9. Быданцев Н.А. Прекращение уголовного преследования (дела) в отношении несовершеннолетнего с применением принудительной меры воспитательного воздействия в аспекте ювенальной юстиции. М., 2008. 159 с.
10. Общество и преступность несовершеннолетних : сборник статей, включающий материалы социологического исследования «Общественное мнение о несовершеннолетних правонарушителях», проведенного в феврале – мае 2004 г. в Санкт-Петербурге, Саратове, Ульяновске / под ред. Л. Ежовой. М. ; СПб., 2007. 260 с.
11. Нагаев В.В. Ювенальная юстиция. Социальные проблемы : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2009. 255 с.
12. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты Резолюцией ГА ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

References:

- Bydantsev, NA 2008, *Termination of criminal prosecution (case) against a minor by means of compulsory educational measures in the aspect of juvenile justice*, Moscow, 159 p., (in Russian).
- Chernova, MA 2015, 'Development of juvenile justice in pre-revolutionary Russia', *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*, vol. 10, No. 6, pp. 171-175, (in Russian).
- Ezhova, L (ed.) 2007, *The society and juvenile delinquency: a collection of articles*, Moscow, St. Petersburg, 260 p., (in Russian).
- Kiyashko, DA 2011, 'Development of the basis of the juvenile law', *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*, No. 1, pp. 220-223, (in Russian).
- Lepeshkina, OV 2010, 'Concerning the contradictions in assessing the meaning and definition of juvenile justice', *Obshchestvo i pravo*, No. 2 (29), pp. 258-262, (in Russian).
- Melnikova, EB, 2001, *Juvenile justice: problems of criminal law, criminal procedure and criminology*, manual, 2nd ed., Moscow, 272 p., (in Russian).
- Nagaev, VV 2009, *Juvenile justice. Social problems*, manual, Moscow, 255 p., (in Russian).
- Prokoshkina, NI 2012, 'Juvenile justice as a guarantee of protection of the rights of minors', *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*, No. 4 (87), pp. 125-132, (in Russian).